

УДК 91 (091)

К. Н. ВАЛЬДМАН

СТАРИННОЕ СТАНОВИЩЕ И ТОРГ (XVI в.) НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ (КЕГОР—ВАЙДА-ГУБА)

Если историко-географу заинтересует Мурманский берег Кольского полуострова и его заселенность в XVI в., то он прежде всего обратится к историческим картам и атласам и найдет два населенных пункта — Колу (Кольский острог) и Печенгу (Печенгский монастырь).

Нами были просмотрены 34 русские и советские исторические карты, вышедшие отдельными изданиями (учебные) в приложении к книгам или включенные в исторические атласы — от Атласа И. Ахматова [3] до учебной карты «Образование русского централизованного многонационального государства», 1 : 2 500 000, М., 1962 г. Кола (Кольский острог) отмечена на 15 картах, а Печенга (Печенгский монастырь) — на десяти.

В лучших иностранных исторических атласах Кольский полуостров в XVI в. оказался изображенным на 14 картах, Кола указана 8 раз, а Печенга встречается только 2 раза. Самым ранним и самым новым из просмотренных иностранных атласов были соответственно атласы 1817 г. [21] и 1962 г. [23].

Указывая на Мурманском берегу только два населенных пункта, исторические карты обедняют эту часть Кольского полуострова, которая в XVI в. уже была важным районом рыбного и зверобойного промысла. Здесь существовал ряд промысловых становищ и гаваней и велась торговля с иноземными купцами.

Цель нашего исследования — научно обосновать необходимость указывать на исторических картах России в XVI в. на северном берегу Кольского полуострова, кроме Печенги и Колы, третий важный пункт — Кегор (Вайда-Губа).

Кегор является одним из звеньев в цепи открытий, связанных с поисками северо-восточного прохода в Китай. Первым смелую мысль о возможности достигнуть Северным морским путем Китая высказал в 20-х годах XVI в. Дмитрий Герасимов ([4], стр. 41). Эта мысль была подхвачена англичанами и голландцами. В результате первой английской экспедиции в 1553 г. были установлены торговые связи и дипломатические отношения между Россией и Англией. Во время второй экспедиции английский шкипер Стивен Боро в 1556 г. на судне «Серчтрифт» («Ищи наживы») с помощью русских дошел до Новой Земли и, обследовав северные берега о. Вайгач, пришел на зимовку в Двинское устье. 23 мая 1557 г. Стивен Боро на том же судне — пинассе отплыл из Холмогор в Вардехус для поисков трех английских судов «Московской компании», о которых не было известий с предыдущего года. На обратном пути в Холмогоры 30 июня у мыса Кегор «Серчтрифт» встретил в.-ю.-в. ветер, и С. Боро пришлось уйти в бухту к западу от этого мыса, где он неожиданно обнаружил крупный рыбный торг. В дневнике плавания Боро подробно описал как самое бухту, так и торг. В 1589 г. Ричард Хаклуйт включил этот дневник в сборник «Главные плавания, путешествия и открытия английской нации» [19]. Первый русский перевод дневника был сделан академиком Ю. В. Готье [1].

Еще в 1905 г. Гёбель писал, что во второй половине XVI в. кроме Печенги «по крайней мере еще три пункта принимали участие в торге

с иностранцами: Кола, Вайда-Губа и Цил-Наволок» ([⁶], стр. 53—54). Первоначально этот торг именовали торгом на Кегоре.

На основе сообщения Стивена Боро от 1557 г. М. М. Громыко называет торг в бухте у мыса Кегор «крупным торгом» и приходит к важному выводу: «Если в конце 50-х годов и в 60-х годах центрами крепнущей нидерландско-русской торговли на Мурманском берегу были Кегор и Печенга, то с начала 70-х годов все более выдвигается на первое место Кола... В 70-х—в первой половине 80-х годов в период расцвета мурманской торговли все три пункта — Кола, Печенга и Кегор — расценивались как международные торговые центры» ([⁷], стр. 239, 242).

Знаменательно, что, исследуя вопрос о возникновении Колы, И. П. Шаскольский выделяет три центра внешней торговли на Мурмане в XVI в.: Колу, Печенгу и Кегор, т. е. те, которые до 1585 г. имели для России большее значение, чем гавани в устье Северной Двины. При этом Шаскольский признает, что в 50-х и 60-х годах XVI в. Печенга и Кегор были главными центрами русской внешней торговли на Мурмане, а Кола выдвинулась на первое место лишь с начала 70-х годов ([¹⁶], стр. 277, 278).

Высказывания Гёбеля, Громыко и Шаскольского и негативные данные ряда монографий и карт побудили нас к поиску новых старинных свидетельств и к внимательному анализу уже известных документов.

Какие факторы способствовали возникновению и расцвету торга у Кегора? Их три: географическое положение, удобная якорная стоянка в бухте западнее мыса Кегор и возможности богатого рыбного промысла в этом районе Мурманского берега.

Взглянем на карту. На пути иноземных купцов на Мурман вокруг Скандинавии лежала крепость Вардехус. Здесь стояла королевская стража и кончалось Датское королевство: за морем была Московия. От Вардехуса до Колы надо было идти морем около 210 км, до Печенги — 85 км, а до Кегора — только 50 км. Бухта у Кегора, самая северная бухта Рыбачьего полуострова, легко обнаруживалась по приметному мысу.¹

О значении этой бухты как якорной стоянки Стивен Боро писал: «...Здесь могут укрыться от всех ветров (самый худший в.-с.-в.) 2—3 небольших судна, не сидящих глубже 11—12 футов² в воде. Место стоянки защищается от ветров северных румбов рядом скал...» ([¹], стр. 123). Однако следующие строки той же записи увеличивают вместимость якорной стоянки: губа вместила 5 или 6 судов, в том числе 3—4 норвежские яхты,³ купеческое судно из Дронтона⁴ неизвестных размеров и судно С. Боро «Серчтрифт» с осадкой около 3.5 м. У Н. Дергачева мы читаем: «Губа Вайда... имеет 2 версты длины к юго-западу и 1¹/₄ версты ширины; в вершине ее три небольших скалистых островка... Глубина здесь от 2 до 6 сажень (4—13 м)» ([⁸], стр. 60). Губа имела пологие берега, образовавшие большой вогнутый овал. В южный конец губы впадала речка. Летом окрестности губы покрывали густые травы.

Местонахождение губы у мыса Кегор — в самой северо-западной точке п-ва Рыбачьего — было одновременно ее преимуществом и недостатком. Близость к Норвегии облегчала торговлю с иноземными купцами. Но этот пункт был неудобно расположен по отношению к внутренней России: единственный путь через Кольский полуостров с севера на юг шел по реке Коле, цепи озер и рек на Кандалакшу. По-видимому, последнее обстоя-

¹ Кегор, или Кигор, — старинное название мыса Кекурский. В основе названия лежит финское «кеко» — «куча, копна». У беломорских поморов словом «кекур» называют высокую конусообразную скалу ([¹¹], стр. 107). Именно в виде двух конусообразных холмов описал этот мыс С. Боро в 1557 г. Название мыса «Кекурский» введено Ф. П. Литке в 1823 г.

² 3.40—3.70 м.

³ Яхты — «норвежские... палубные, одномачтовые суда водоизмещением от 25 до 60 т» ([¹⁰], стр. 21).

⁴ Современный Трондгейм в Норвегии.

тельство сыграло решающую роль в борьбе Колы с Кегором за гегемонию на Мурмане.

В 1591 г. Джайлс Флетчер писал, что в летнее время лопари большими ватагами приходили на побережье океана «к Вардхузу, Коле, Кегору и к бухте Ведагоба и приходили туда ловить треску, семгу и камбалу» ([¹⁸], л. 77 об.).

В более раннем сообщении (С. Боро, 1557 г.) сказано, что в торге с голландцами на Кегоре кроме лопарей участвовали русские и карелы ([¹⁹], стр. 331). Из разговора с этими людьми С. Боро узнал (цитирую перевод Ю. В. Готье): «Некоторые из них приехали сюда со своих рыбных ловель за 8 недель пути на оленях» ([¹], стр. 124). Мы не согласны с таким переводом предложения, которое в первом английском издании (1589 г.) имеет следующий вид: «... Some of them came thither a fishing 8 weekes iorney with Deere...» ([¹⁹], стр. 331). Историко-грамматический анализ требует следующего перевода: «Некоторые из них приезжали сюда для ловли рыбы за 8 недель пути на оленях». В переводе Готье потеряна многократность поездок на Кегор и, самое главное, косвенное указание на богатство промысла у Кегора, из-за которого стоило ехать 8 недель на оленях.⁵

Готье делал перевод с издания сборника Хаклуйта 1902 г., сверяя его с изданием 1927 г. ([¹], стр. 23). Мы произвели сверку текстов издания 1589 и 1907 гг., но различий не оказалось.

Промыслы в этом районе были настолько же обильны, насколько и опасны. Именно поэтому указанную губу еще в конце XIX в. называли главным становищем онежан — народа рослого и отважного ([²], стр. 54). Рыбу ловили на поддев. В Грамоте 1589 г. людей, промышленявших рыбу у Вайды-Губы, называют «удебщиками» ([¹⁷], стр. 265). По мнению голландских купцов, лучшая вяленая треска приготавливалась именно в Кегоре ([¹], стр. 124). Размах промысла у Кегора определялся исключительно спросом и зависел от числа ожидавшихся иностранных судов ([¹], стр. 124).

Рыбного торга на берегах бухты западнее мыса Кегор мы впервые коснулись в 1962 г. ([⁵], стр. 140).

Подробное описание торга в 1557 г. мы находим в дневнике Стивена Боро, о котором было сказано выше. Стивена дополняет его брат, Уильям Боро, который служил на судне «Серчтрифт» матросом. Согласно этим сообщениям, ежегодно 29 июня, в день св. Петра, в Кегоре открывался рыбный торг. На торге продавали свой улов русские, карелы и лопари. Сюда же прибывали с товарами, которые они меняли на рыбу, голландские купцы, а также норвежцы, в частности жители Финмаркена. В 1557 г. в бухте собралось (не считая судна С. Боро) четыре или пять купеческих судов: барк из Дронтона и три или четыре норвежские яхты из Бергена. Распоряжались норвежскими судами голландцы. Вяленую треску возили из Кегора до самого Амстердама.

На торг 1557 г. прибыли уполномоченный русского царя и комендант крепости Вардехус, представлявший Датское королевство. По заведенному порядку уполномоченный русского царя осматривал привезенную карелами и лопарями рыбу и только после этого разрешал начать торг. Торг носил меновой характер, но цены измерялись деньгами — алтынами и талерами. Товар, привезенный голландцами, состоял из очень крепкого пива, сукна — синего, зеленого, красного и цвета конины, выделанных шкурок выдр и лисиц — чернобурых и красных, серебряных блюд, сосудов и ложек, золоченых колец, а также серебряных и золоченых украшений для поясов и нашейных украшений с серебряными цепочками.

⁵ По данным Жигунова и Терентьева, длина суточного перехода двухоленной санной запряжки по плохой тундровой дороге с грузом 100 кг равняется 25 км ([⁹], стр. 302).

Одновременно с торговлей в Кегоре собирали дань с лопарей для русского царя и для короля Дании. Занимались этим те же — уполномоченный царя и комендант Вардехуса, которые, кроме того, следили за поведением своих подданных на торге.

Любопытно отметить, что Стивен Боро не встретил на торге монахов из Печенгского монастыря, хотя в 1556 г. Иван Грозный специальной грамотой отдал Печенгскому монастырю все побережье Студеного моря от Варенгской губы (Варангер-фьорд) до Кольской ([¹⁴], стр. 100—101). Таким образом, Кегор стоял на земле Печенгского монастыря, но торг был государственным и управлялся человеком, назначенным Москвой.

Когда зародился этот самый северный торг с иноземцами, сказать трудно. Во всяком случае в 1557 г. голландцы пришли в Кегор не впервые: они судили о прибыльности торга по предыдущим годам ([¹], стр. 123). Здесь уместно вспомнить о надписи на шиферной плите Аникиевского острова (о-в Б. Аникиев), сделанной фленсбургским шкипером, которая гласит, что в 1510 г. он пришел туда в двадцатый раз ([¹³], стр. 282—283). По мнению Г. Ф. Гёбеля, эта надпись говорит о промысле и торговле ([⁶], стр. 73). А ведь о-в Аникиев лежит в одной миле к югу от Цып-Наволока, т. е. уже на восточном берегу Рыбачьего!

Изучение исторических документов с привлечением данных топонимики и старинных карт позволяет в общих чертах воссоздать картину экономического освоения бухты у Кегора.

В 1557 г. бухта западнее мыса Кегор была центром богатого рыбного промысла. Здесь суда укрывались от непогоды, и на ее берегу вялили треску. Каждое лето здесь происходил крупный и хорошо организованный рыбный торг с иноземцами и здесь же собирали дань с лопарей. Однако летнего рыбацкого становища с характерными для него атрибутами Стивен Боро там не заметил. Как свидетельствует В. И. Немирович-Данченко, и в XIX в. к рыбацким становищам еще относили такие селения, в которых «нет даже изб, а просто сложены печи» ([¹²], стр. 397). Между тем Стивен Боро писал, что, покинув торг, он из-за слишком слабого ветра «задержался к востоку от Киторского мыса, отправил людей на берег и испек две полные печи хлеба в печах, которые имеются здесь у карел» ([¹], стр. 125).

Во время торга С. Боро побывал в шатре уполномоченного русского царя и во временных жилищах датских сборщиков дани и голландских купцов, т. е. нашел на берегу бухты только три легких строения летнего типа. Согласно переводу Ю. В. Готье, жилищ было два, так как голландцы угощали Боро на своем корабле. Ю. В. Готье ошибочно перевел слово «booth» как «корабль». В издании Хаклуйта 1580 г. стоит boothe, которое, согласно «Новому английскому словарю на исторической основе» Джемса А. Марри, является типичной для XVI—XVII вв. формой слова booth «будка, киоск» ([²²], стр. 997). Современное boat «шлюпка, лодка; судно, корабль» в XVI в. писалось boote или bote ([²²], стр. 956).

Одновременно мы можем назвать эту губу торговой гаванью: в 1557 г. в губе собралось 5 или 6 судов, включая судно Стивена Боро. В то время из иноземцев там безраздельно господствовали голландские купцы. Наконец, этот пункт Кольского полуострова был местом, где с лопарей собирали дань чиновники Датского королевства и России, т. е. он играл роль летнего административного центра.

Три плавания (1553, 1556 и 1557 гг.) вдоль берегов Лапсии дали Уильяму Боро материал для карты берегов Кольского полуострова. Дошедшая до нас рукописная карта была составлена им в конце 50-х годов. На этой карте впервые появилось название «Кегор» (Khegore), привязанное к мысу ([⁵], стр. 141, карта). У основания мыса изображена бухта. Антони Дженкинсон поместил название «Khegore» на свою карту России (1562 г.). Несмотря на мелкий масштаб (1 : 12 890 000), автор отметил Кегор, а для Печенгского монастыря места не нашлось.

При составлении карты земного шара (1569 г., 1 : 14 600 000) Герард Меркатор счел необходимым дать на острове Св. Марии (п-ов Рыбачий) на берегу бухты становище Кегор (Khegor), отметив его пунсоном. Так в 1569 г. становище впервые появилось на карте! Печенга и Кола на этой карте отсутствуют.

На карте «Изображение Северных Земель» в атласе Абраама Ортелия «Зрелище Земного Шара» (Антверпен, 1570) Кегор (Khegor) изображен как очень большое селение: пунсон Вардехуса имеет кружок на фоне двух островерхих башен, а у Кегора — кружок на фоне трех, более крупных башен.

Во время посещения в 1557 г. торго у Кегора Стивен Боро обещал уполномоченному русского царя, что на будущий год туда придет одно английское судно. Возможно, что он доложил о существовании торго кушам «Московской компании», но разрешения на торговлю в этой гавани не получил. Об отрицательном отношении «Московской компании» к торговле в Лапшии свидетельствует «Письмо Джеймса Олди к почтенному Майклу Локу, агенту „Московской компании“ в Лондоне, относительно организации торговли в Лапшии, написанное в 1575 г.». Автор письма вместе с четырьмя другими англичанами провел в Лапшии зиму 1574 г. Один из его спутников, Роджер Лич, наездил по Лапландии около 300 миль и успел хорошо ознакомиться с бытом и нуждами лопарей. Олди советует поторопиться с началом торговли в Лапшии. Он предупреждает членов Компании, что «если они так не поступят, причем не сделают этого быстро, то им не удастся помешать другим (хотя они и не англичане) развить там деятельность... Поэтому, если они желают сохранить торговлю с Россией такой, как она есть, и, кроме того, организовать в Лапшии торговлю еще более выгодную, чем эта, то это предложение следует обсудить, а не препятствовать торговле англичан в Ведагобе» ([²⁰], стр. 413).⁶

Что это за «Ведагоба» (Vedagoba) и где она находится? В «Атласе» Герарда Меркатора (1595) на карте «Россия с сопредельными странами» на северной оконечности п-ва Рыбачьего (без названия) мы находим населенный пункт Vedagoba, а на более крупномасштабной карте «Швеция и Норвегия с сопредельными странами» ([⁵], стр. 145, карта) селение Vedagoba и мыс Кегор (Kegor) восточнее него. Положение селения Кегор на карте 1569 г. и селения Ведагоба на двух картах 1595 г. одного и того же картографа совпадает. Очевидно, что к 1575 г. название становища изменилось.

Русские источники подсказывают, что «Ведагоба» — искаженное название «Вайдагуба». Слово «вайда» — финно-угорский топоним. Он восходит к финскому глаголу vaihtaa [вайта] «менять, обменивать». У кольских лопарей стоящее между гласными [т] озвончается в придыхательное [д] и получается «вайде» (vajtte), которое восходит к древней форме vajotta [вайода]. Губа Вайда переводится как губа Меновая. Меновой торг дал название губе. Это веское доказательство роста экономической значимости торго. Название губы перешло на становище и застыло в форме Вайда-Губа. Возможно, что первоначально название было целиком финским — Vaihtolahti. На карту попал уже руссифицированный вариант (калька), сохранивший, однако, форму сложного слова со слитным написанием. Позднее вариант Вайдагуба встречается в ряде материалов, но для русских документов XVI века характерно написание «Вайда-губа». Норвежцы называли становище в этой губе «Кьёрвог» (Kjørgvaag).

Интересно отметить, что Олди выделяет Вайду-губу как торговый центр всей Лапшии. Для него торговать в Лапшии значило торговать в Вайде-губе. Письмо Олди свидетельствует также о том, что в 1575 г.

⁶ В [¹] этот документ не вошел.

англичане не торговали на Мурмане, а ходили на Северную Двину в Холмогоры. Однако имеются данные, что в последующие годы английские купцы получили право торговать на Кегоре. На основании старинных рукописей Н. И. Ульянов писал: «Еще в 1581 г. в ответ на жалобу Елизаветы английской о том, что датский король запретил англичанам торговать в Печенге и на Кегоре, Грозный обещал послать свои войска в Колу и в иные мурманские пристанища, с целью защиты тамошней торговли от датчан» ([¹⁵], стр. 94).

Старое название становища, Кегор, было более привычным для англичан, чем Вайда-Губа, и в ответах на запрос о государственной принадлежности ряда населенных пунктов Уильям Боро в 1576 г. писал, что в годы выдачи «Московской компании» торговых привилегий (1555—1575 гг.) «селения, города и населенные пункты, именуемые в народе Нарва, Кегор, Печенга и Кола и их гавани» ([¹⁹], стр. 438), принадлежали русскому царю.

Перечень этих населенных пунктов в той же последовательности повторяется в письме четыре раза ([¹⁹], стр. 438, 439), причем в первый раз Боро называет их «селения или города». Речь идет о важных центрах международной торговли, в ряду которых Кегор уступает только Нарве и причислен к крупным населенным пунктам! Боро утверждает, что до выдачи перечисленных привилегий никто из англичан в указанных четырех пунктах не торговал ([¹⁹], стр. 439). Те же «Ответы» Уильяма Боро (1576 г.) свидетельствуют об увеличении административного значения молодой Колы: «В последние годы, один раз в году, король Дании имел по одному своему подданному или более, в одиночку или с проводником лапландцем, в пунктах Кола, Кегор и в различных других местах в Лапшии, собиравшему с лопарей... подушную дань...» ([¹⁹], стр. 439). Кроме того, «Ответы» содержат описание торгового пункта на Кегоре в 1557 г., которое уже использовано нами выше.

Исследования И. П. Шаскольского показывают, что в конце 60-х—начале 70-х годов XVI в. селение Кола стало городом ([¹⁶], стр. 278). В 1584 г. в устье Северной Двины был основан город Архангельск, и 10 июня 1585 г. кольский воевода Г. Б. Васильчиков известил коменданта Варде об ограничении торгового пункта в Коле-вотчине и о перенесении торгового пункта с иноземцами «на устье Двины реки». Так повелел великий князь Федор Иванович.

Однако треска не вошла в перечень товаров, запрещенных для продажи на Мурманском берегу. И вот в Грамоте, датированной 13 августа 1592 г., мы читаем: «... В Вайде-губе стоят немало кораблей..., а которые деи корабли в Вайде-губе рыбу покупали у государя наших удебщиков...» ([¹⁷], стр. 265). Это самое позднее свидетельство о крупном рыбном торговом пункте в становище Вайда-Губа.

В 60-х годах прошлого века на берегу губы Вайда была основана колония из норвежских и русских переселенцев. Здесь же находилось волостное правление. С 1918 по 1940 г. через губу Вайда проходила государственная граница.

Хочется надеяться, что на современных исторических картах, изображающих Россию в XVI в., на Мурманском берегу Кольского полуострова кроме Колы и Печенги будет показан третий важный населенный пункт, который примерно до 1570 года называли «Кегор», а позднее — «Вайда-Губа».

Литература

- [1] Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Перевод Ю. В. Готье. Соцэкгиз, 1938. — [2] А. П. Рыбачий полуостров. Русский Вестник, т. 125, 1876. — [3] Ахматов И. Атлас Исторический, Хронологический и Географический Российского Государства, ч. 1. СПб., 1831. — [4] Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути, т. 1. М., 1956. — [5] Вальдман К. Н. Кольский полуостров на картах XVI в. Изв. ВГО, т. 94, № 2, 1962. — [6] Гёбель Г. Ф. Наша северо-западная окраина — Лапландия, ч. 2, гл. 1. Исто-

рический очерк. Русское государство. 1905, № 3. — [7] — Громыко М. М. Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI в. Средние века, т. 17, М., 1960. — [8] Дергачев Н. Русская Лапландия. Архангельск, 1877. — [9] Жигунов П. С., Ф. А. Терентьев. Северное оленеводство. М., 1948. — [10] Книпович Н. М. Положение морских рыбачьих и звериных промыслов Архангельской губернии. СПб., 1895. — [11] Мурзаевы Э. и В. Словарь местных географических терминов. М., 1959. — [12] Немирович-Данченко В. И. За северным полярным кругом. Отечественные записки, № 10, 1874. — [13] Рейнеке М. Гидрографическое описание северного берега России, ч. II. СПб., 1843. — [14] Тищенко А. В. К истории Колы и Печенги в XVI в. Журн. Мин. нар. просв., № 7, 1913. — [15] Ульянов Н. И. Феодалная колонизация и экономика Мурмана в XVII в. Историч. сб., № 1, 1934. — [16] Шаскольский И. П. О возникновении города Колы. Истор. зап., т. 71, М., 1961. — [17] Щербачев Ю. Н. Русские акты Копенгагенского государственного архива. СПб., 1897. — [18] Fletcher G. Of the Russe Common Wealth. London, 1591. — [19] Hakluyt R. The principall navigations, voiajes and discoveries of the English nation. London, 1589. — [20] Hakluyt R. The principall navigations. London, 1600. — [21] Historischer Atlas von Rußland, Schweden, Polen, Osterreich, der Türkei u. s. w. vom Jahre 1155 bis zum Jahre 1816. Leipzig, 1817. — [22] Murray J. A. H. A New English Dictionary on Historical Principles, vol. I. Oxford, 1888. — [23] The March of Civilization in maps and pictures, P. II. Maplewood, C. S. Hammond and Co., 1962.
